

Сказки Константина Дмитриевича Ушинского. Никита Кожемяка

В старые годы появился недалеко от Киева страшный змей. Много народу из Киева потаскал он в свою берлогу; потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут к царевне: «Узнай-де от змея, кто его сильней». Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

– Есть, – говорит змей, – в Киеве Никита Кожемяка, тот меня сильней.

Как ушел зверь на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: «Есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея; пошлите Никиту меня из неволи выручать».

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить: выручить их дочку из тяжелой неволи. В ту пору мял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидал Никита царя, испугался,

руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручать царевну, – не пошел.

Вот и придумали царь с царицею собрать пять тысяч малолетних сирот (осиротил их лютей змей) и послали их просить Кожемяку освободить всю Русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел. Подходит Никита к змеиной берлоге. А змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

– Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу, – сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться: вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они билися, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

– Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет; разделим же весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я в другой.

– Хорошо, – сказал Никита. – Надо же прежде между проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева между прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

– Землю мы разделили, теперь давай море делить, чтобы и о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить; вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени в две высоту. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

(Голосов: **11**. Рейтинг: **3,91** из 5)

Загрузка...